

УДК 101.1:316

ФИЛОСОФИЯ И НАУКА: ПРОБЛЕМА ИНТЕРАКТИВНОГО СООТНОШЕНИЯ

В.В. Ильин, О.П. Сапегина, Я.В. Яловенко

*Калужский филиал ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)», г. Калуга

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.2.021

Наука и философия – принадлежат различным ареалам когитальной культуры – дополняют друг друга. Знание предметноцентрично, метафизика идеалоцентрична, но они равным образом обслуживают запросы человека как существа символического, погруженного в условное, однако стремящегося достичь безусловного.

Ресурсы науки с ее жесткими правилами в деле перекрытия барьеров условностей непригодны. Надежду вселяет метафизика, духовно осваивающая существование в менее ригидных рамочных кондициях.

Ключевые слова: философия, наука, культура, жизненный мир.

Наука – категориально-логична, имплекативна, концептуализирует действительность через связку «причина–следствие» (каузальность), аналитична, нацелена на постижение объективного порядка вещей («самого по себе»). Ей присущи: интерсубъективность (устранение индивида из контекста исследования); однозначность семантических единиц (максимальная уточненность используемого аппарата); безымянность (для науки не важен «фон личности» – его поглощают общезначимые теоретические курсы, включающие дискурсивную (начало достаточного основания) всесторонне обоснованную истину); воспроизводимость результатов (сериация); верифицируемость (потенциальная опытная опробуемость утверждений); преходящность основоположений и установлений – предыдущие занятия ученых впоследствии неизбежно становятся «детской игрой» (Гегель); линейность прогресса (наука развивается от постановок проблем к поискам их решений с очередной проблематизацией найденного).

Будучи познанием «из основания» (Гуссерль), наука даёт наиболее прочные (из известных) гарантии обладания истиной. Между тем универсализация приемов научной процедуры как в генерации, так и трансляции конечных продуктов никак и ничем не оправдана; доподлинно наука не способна быть всеобъемлющей наставницей жизнедеятельности; ее принципы не в состоянии выступать правилами, мыслимыми при всех условиях в качестве абсолютно соблюдаемых.

Не впадая в поверхностную критику науки и не борясь с самонадеянным сциентизмом, подчеркнем лишь следующее.

1. Проблемный комплекс: наука – культура.

В основе человеческой деятельности – порядок нормосообразия, тип регуляризации [5]. Канонизация, стандартизация единиц науки осуществляется весьма жесткими правилами операционализации, верификации, логизации, квантификации, метризации, каузализации, естественной детерминации. Рациональное призвание данных регулятивов – задать логически и практически обоснованное право субъекта на обладание истинной, уверенность в достижении достоверности. Отсюда ригоризм в отношении содержательной формации, не достигшей надлежащей опытно-логической упорядоченности. Подозрения в ненадежности продуктов ненаучного поиска влекут воинственную охранительную позицию, в крайних своих проявлениях принимающую форму организационного пуризма. Сошлемся на Юма. Если, удостоверившись в истинности научных принципов (опытно-логическая дисциплина мысли), – пишет он, – «мы приступим к осмотру библиотек, какое опустошение придётся нам здесь произвести! Возьмём в руки, например, какую-нибудь книгу по богословию или школьной метафизике и спросим: содержит ли она какое-нибудь абстрактное суждение о количестве или числе? Нет. Содержит ли она какое-нибудь основанное на опыте рассуждение о фактах и существовании? Нет. Так бросьте её в огонь, ибо в ней не может быть ничего, кроме софистики и заблуждения» [18, с. 229]. Что даёт расчистка библиотек, сиречь избавление от «софистики, заблуждений», прочей доморощенной ереси? Ответ в самом сциентистском пафосе налаживания духовной санации. Избавление духа от богословско-метафизической (культурно-символической) беллетристики преследует тотальный перевод продуктов символосферы на язык строго оформленных логически и метрически систематизированных понятий. Возможно ли это?

Как быть с невыразимым в словах, категориальных присутствиях божественным голосом в душе, совести? (Здесь, не пускаясь в комментарии, позволим себе ссылку на Фета:

...

«Могуч и мне не постижим
Тем, что я сам, бессильный и мгновенный,
Ношу в груди, как оный серафим,
Огонь сильней и ярче всей вселенной» [15, с. 14].)

Как быть с откровением, самораскрытием и т. п., что делает нечто совершенно понятным, ясным. (Здесь также без комментариев, обратимся к Толстому. В «Смерти Ивана Ильича» разбирается расхожий силлогизм:

«Все люди смертны.
Кай человек.
Кай смертен» [13].

Умиравший герой из последних сил сопротивляется натиску логизирующей машины: «то был Кай – человек, вообще человек, и это

было совершенно справедливо; но он был не Кай и не вообще человек ... он ... был совсем, совсем особенное... существо... Разве Кай целовал так руку матери и разве для Кая так шуршал... шелк складок её платья; разве Кай не был влюблён» [13] и т. д.) Как быть с наитием – внезапно приходящей верной вдохновенной мыслью? Как быть..?

Если пространство духовной жизни уместить в интервал: высокая, будирующая существование мечта (идеал) – пустопорожнее бесплодное мечтание (гоголевский собирательный тип – философ Кифа Мокиевич, бытие которого «обращено более в умозрительную сторону»), то из него (пространства) вследствие выборок по прихоти или по произволу узурпаторов окажутся изъятыми многочисленные предметные зоны. Что останется? Наука? Но и она, как продемонстрировали болезненные перипетии позитивизма, не может быть сведена к набору логических тавтологий и фактуально удостоверенных представлений. Пользуясь нагелевским: что всё это значит? – приходишь к одному. «Я конечно могу, – заключает Джемс, – поставить себя в позицию фанатичного сциентиста и вообразить, что мир научных законов и объектов может охватить всё. Но когда я делаю это... тотальное выражение человеческого опыта невидимо зовёт меня за узкие пределы «научных» ограничений... Реальный мир имеет совсем иной характер – он устроен более сложно... чем это позволяют обнаруживать... науки» [4, с. 509–510].

Духовный мир включает прорву того, что науке неведомо, что не может возыметь познавательных эквивалентов. Постигание этого даётся опытом, многотрудным практическим мужанием, жизненным умудрением. Радостное служение знанию по «внутреннему убеждению» исключает культуурокарательные меры. Понять аргументы сциентистов можно, согласиться с ними нельзя. Ум, изнуренный работой, только на том и стоит: «Мне... казалось, – признается Борн, – что научный метод предпочтительнее других, более субъективных способов формирования картины мира – философии, поэзии, религии... Теперь я смотрю на мою прежнюю веру в превосходство науки перед другими формами человеческого мышления и действия как на самообман» [1, с. 7].

2. Проблемный комплекс: логистическая процедура науки – неподпадающая под научную логизацию действительность.

Сугубо ошибался Витгенштейн, проводя некритический логизм и гипертрофируя дискурсивно выразимое: «Так как все присутствует здесь и всё открыто, то не нужно ничего объяснять. Так как то, что скрыто, нас не интересует». Странная линия. И в жизни, и в духе многое скрыто. Но объявлять это неинтересным по меньшей мере недалёковидно. Нас радикально интересует именно скрытое. Открытое – лежащее на поверхности – тривиально, неглубоко – несерьёзно. Скрытое же – существенно, серьёзно, глубоко. Мы выстраиваем межсубъективные связи не по логическим операциям, а по «неощутимому, невнятному, неразличимому почти», от чего «щемит в груди».

Человеческое не сводимо к логистическим схемам, обрекающим общение на духовный провинциализм. Основоположения логики не могут быть отнесены ко всему содержанию духовной сферы, – они применимы локально – как императивы текущих рассуждений. (В противном случае мыслесфера – собрание тривиальностей, сковывающих продуктивный процесс теснинами истинностной двузначности).

Человек производит смыслы, значимости в логически неупорядоченном общении, где посредниками в деле отличия истины от лжи выступают не матрицы истинности, а экзистенциалы (Белинский в данной связи указывал на смех), являющиеся плодотворными инструментами установления истинностных значений. Как говорил Пирс, логика коренится в социальном (лучше – экзистенциальном) принципе [19, р. 73].

3. Проблемный комплекс: каузальная – некаузальная организация материальной и духовной реальности.

Комплект каузальности – закон основания; причинно-следственный строй рядов вещей и идей; номологичность. То многое, что предоставляет это немногое, – законосообразность, естественность, обоснованность.

Перед лицом многоликой полиморфной реальности, однако, не избежать вопроса: является ли (логическое, практическое) удостоверение результатов через законосообразность, естественность, обоснованность исчерпывающим? В разные жизненные моменты на щит поднимается не рационально демонстрированная достоверность, а по обстоятельствам – то одухотворение, то ритуальная связь, то свобода выбора, то чувство собственного достоинства, то... Как обобщенно высказал Цицерон, «*historia magistra vitae est*» («история – учительница жизни») [16], в чем в полной мере сказывается значение «научно необоснованного» суждения.

Речь не о провале науки – речь о фундируемости *Lebenswelt* вне-научными ценностями, позволяющими избегать, как минимум, сведения жизнеобеспечивающего процесса к рационально выверенной схематике. Рациональная всеобщность, необходимость науки в житейском плане оборачивается обезличением, деперсонализацией, репрессивным подчинением частной судьбы универсальным установлениям (тоталитарные цели тоталитарной организации). В жизни на деле встречаются такие отсеки, однако в норме а priori они имеют жесткую локализацию. Разумеется прекращение всех «нормальных» человеческих функций в технологических контурах 5К: «келья», «казарма», «камера», «клиника», «кладбище».

Проблематизация всеобщности «научного разума» имеет исток античную Грецию, где в противоположность сциентологической парадигме Платона (мир самоотждествленных дискурсивно постигаемых идеалей) обозначается доксологическая парадигма Диогена, утрирующего чувственно-конкретную, глубокую в своей безыскусственности,

идушую от самой бытийственности правду существования. Вопреки Ленину – правильно говорить не о линиях Платона и Демокрита, а о линиях Платона и Диогена. Одна – средоточие отрешенных фикций, другая – средоточие полноценных самоосуществлений [12]. Сказанное налаживает полноценную критику удостоверительной стати науки.

Законосообразность. Подоснова научного разума – идеология объективного причинения, в которую практически не вписываются эффекты целесообразности, целеполагания, мотивности, достигательности, самоорганизуемости, прогрессивной адаптации, творческого роста, ароморфоза, арогенеза. Из введенного в оборот Аристотелем учения о четырех причинах наука (пока?!) активно освоила лишь одну (материальную). Что же до конечных, целевых, формальных типов причинения, знание (опять же пока?!) кредитов не открывает. Возникающие колоссальной остроты эпистемологические проблемы локализируются в телеологии (от Августина, Вольфа, Лейбница, Шеллинга, Гегеля, Шопенгауэра, Э. Гартмана до адептов антропоцентрической, утилитарной, имманентной телеологии, витализма, провиденциализма, эсхатологизма, неотомизма), так или иначе эксплуатирующей модель «телоса» (антитеза физиологических доктрин досократиков).

Отсутствие прорывов в трактовке механизма «законосообразия» – того, что считать номологически состоятельным – многократно осложняет развитие:

1. Макросоциологии: эвристическое ударение современной модели большой социальности – подпадающее под статистику поведение массы. Между тем «личность каплей льется с массами» лишь в заорганизованном массовом обществе. В гуманистически либерально-демократически оснащенном социуме личность самоценна. И будучи таковой, именно этим привносит в историю продуктивное начало. Отсюда: общество – для человека; человек – для людей. А не наоборот. Личность, обладающая потенциалом гражданственности, активности, утвердительности, – энтелехия прогрессивных сдвигов. Сущность ее – не «совокупность всех общественных отношений» [10, с. 262], а самовозвышение, самостроение, – творчество (из картины, к несчастью, сугубо выбивается Россия, население которой в силу сложившегося не становится «сознательным и историческим деятелем» (Ленин). Для захваченной исканиями личности в нашем обществе не создается простора реализации. Продуктивный самодостаточный человек от нас эмигрирует. И это – беда и вина отечества).

2. Биологии: синтетическая теория эволюции, сфокусированная на видообразовании, опускает вопросы динамики биоценозов. Из доктрины микроэволюции не вытекает сценария макроэволюционного процесса. СТЭ не вмещает морфологию, анатомию, эмбриологию (теории целостных живых форм). В геноме кодируются видоспецифические признаки, что подрывает рычаг рассуждений – «творческую роль отбора»; игнорируются немутационные модификации изменчивости (хромосомное видообразование).

Вероятно, по этой причине на переднем плане науки (где спрягаются «сумасшедшие идеи») просматривается двоякая тенденция: апелляция, с одной стороны, к паранаучным конструкциям – витализм, аристокенез, автогенез, психоламаркизм; с другой стороны – к «малообоснованным» построениям типа «эволюции без отбора», аутопоэзиса, номогенеза, холизма, моделей синхронизированности слабо связанных удаленных нелинейных систем, некаузальных обусловленностей (несиловых) явлений в разных частях Вселенной (ср. с парадоксом Эйнштейна–Подольского–Розена), идеям автоматических закономерностей мегаразвития, концепций геомерады (глобальная экологическая схема живого покрова).

3. Экономии: современный воспроизводственный контур поддерживается не вещными, а информационными связями. Товарными ценностями выступают не стандартные изделия, а нестандартные интеллигентные образцы, когнитивные образы, знания. Налицо сдвиг с универсальных умений к уникальным навыкам, с предметности к символичности, становящейся локомоцией продуктивной деятельности. Между тем экономика, согласно традиционной изыскательской культуре, натеревшая в освоении «труда», «капитала», «природного богатства» как основоположений производства, (пока?!) не способна тематизировать образно-символическую формацию («знание») как рычаг инновационного развития. Кроме того, поскольку символический труд – всеобщий, в экономике знаний возрастает роль не конкуренции, а кооперации, консолидации, что во многом лишает экономику автономного предметного статуса, обязывая расценивать ее фрагментом всеобъемлющей доктрины сбалансированного обмена деятельностью – общесоциальной интеракции, гуманитарной коммуникации.

4. Истории: задание номологичности в истории сводится к методикам оформления типичной сциентистской номологии [7]. Необходимость учета «поступков и лиц», «деяний индивидов» в выстраивании порядков полных причин нацеливает на формулировку мостонаводящих законов – инструментов привнесения смыслов, значений в казалось бы лишнюю всякой ценности мировую бесконечность. Противопоставление одного другому не корреспондирует плоской дихотомии естествоведение–культуроведение в неокантианской редакции: действительность «становится природой», когда рассматривается с точки зрения общего и «становится историей», если рассматривается с точки зрения особенного [20, S. 255].

В данном случае речь – не о субстрате (рефлексивный просчет баденцев и следовавшего за ними Вебера, – недопонимание того, что в науках о культуре достигается освоение общего, закономерного; другой вопрос, что последнее гносеологически специфично – не альтернативно, но видоразличительно, сопоставительно с получаемым в науках о природе, где также имеет место эпистемологическое ветвление, – скажем, качественный тип формулировок в науках палео-, эволюционного цикла), а о

характере интеллектуальных процессов, не о структурных началах реальности, а о поисковых усилиях, потенциях мыследеятельности [6].

5. Антропологии: имплицитивный строй мысли науки, комбинирующей связями вида $P(x) \rightarrow Q(x)$, неизбежно корректируется гуманитарно-антропологическими рассмотрениями, осваивающими телеологические связи вида $P(x) \leftarrow Q(x)$ [17, с. 603]. Предорганизуемое движение от следствия к причине позволяет вводить в содержательный оборот проекционные, мотивные, идеально-конституирующие, интенциональные, позиционные опоры поступков [8]. Поступок, говоря строго, не физическое действие. Это акт «любви и ненависти», навязывание субъектом действительности через инициативное усилие с персональным таинством оттенков (антропные хронотопы); реконструкция его не поддается логоцентристской операционализации.

Естественность. Нерв научного сознания – природная норма, натурализм, признание существующим того, что отвечает законам природы. Посторонние вмешательства, скрытые силы, аномалии выводятся вовне, объявляясь «фикциями», «фидеизмом». Концентрация на естественно узакониваемых установлениях легализует каскад стандартных регулятивов типа «воспроизводимость», «сериация», «верификация», «объективация», отсекает разлагающую мысль «сверхъестественное» (призрачное, предрассудочное, мнимое). Но действуя так, концептуальная культура впадает в необоснованный консерватизм (охранительство): гиперболизируя «обычное», она исходно дискредитирует необычное («паранормальное»), которое и должно быть предметом исследования без оттенка пейоративности (почему «гравитация», о которой мало что известно, – «нормальное», а «левитация», о которой известно не более, – «ненормальное» взаимодействие?). По крупному счету наука должна интересоваться картинами необыкновенными (ср. с сюрреалистическим кредо: чудесное в повседневном). Это – во-первых. Во-вторых, коренной предмет осмысления – существо «естественности». Наука в контекстах объективных причин апеллирует к всеобщим, необходимым факторам, утрирующим «общие места», типичные случаи. Так, заболевание как стандартная форма патологии квалифицируется в терминах этиологии, вирулентности, патогенеза, спрягается в фигурах не личностного, но физиологического, анатомического материала. Нездоровье трактуется в понятийной сетке болезнетворного. Почему не злокозненного? Почему обдумывание превратностей соматического адресует к натуральным зависимостям, а не супранатуральным изъянам судьбического? В чём преимущество номологии перед эсхатологией, закона перед предопределением?

Представители южно-суданского племени азанде в качестве объяснения причин заболевания указывают на «колдовство». Человек повредил конечность, она не заживает. Ссылки на общие основания инфицирования организма в ход не идут: до этого в аналогичных случаях все выздоравли-

вали, а тут... Ситуация, связанная со спецификацией, персонализацией, не получая толкования в границах науки, находит осмысление в терминах мифа, чародейства. Вопрос «почему» в формулировке «всегда – везде» (в общем) наукой освещается. Интригующий же вопрос «почему» в формулировке «здесь – теперь» (в частности) наукой обходится. Содержательный вакуум заполняется провиденциализмом. Мир наводняется скрытыми силами, магическими влияниями (удвоение миров – контрапункт мифологии, оккультизма). Пределы рациональности раздвигаются.

Американские индейцы вводили компенсирующее обстоятельство – «оренда», древние перуанцы – «хуака». В трансляции на наш язык обнаруживается подходящий эквивалент – «духовная сила», заполняющая лакуны «детерминизма», «практически оправдываемого», «каузального» [3]. Исключаемая наукой «потусторонняя реальность» активно вмешивается в экспликацию «существа дела» применительно к случаю.

Обоснованность. Обоснованным (доказательным) знанием считается знание рационально организованное. В идеальной логической реконструкции при переводе познавательной информации из «контекста открытия» в «контекст оправдания» дело выглядит так: оформляется древовидная ветвящаяся структура именуемая дедукцией, – из обособливаемого более или менее убедительного запаса посылок по логически систематизированным алгоритмам выводятся когнитивно каузальные следствия. Научная обоснованность, следовательно, стоит на 5 китах: закон основания, логическая опосредованность, ментальная детерминированность, демонстративность, имплицативность.

Не смазывая идеальный взгляд на вещи подчеркиванием выпадения из картины ситуации с индуктивным, гуманитарным знанием, знанием «переднего края науки» – активных исканий, с невозможностью полной и непротиворечивой формализацией богатых теорий, обратим внимание лишь на принципиальные упущения обосновательного потенциала традиционного знания (рациональный империализм сциентизма).

(1) Не разделяя ньютоновской линии на реабилитацию «первопричины» [11, с. 287], равно как кантовской трактовки целесообразности в терминах *als ob*, констатируем досадную отстраненность науки от феномена цели на субстанциальном уровне. Действительно, наука не работает с целью в линейке ее производных – целеориентация, целесообразность, целеустремленность, целенаправленность, целевоплощение, значение, назначение, предназначение, предопределение, предназначение, предустановление. Точки роста, пункты ожидаемых прорывов в мысли намечают антропный принцип в космологии, аристократизм в биологии, глобальный эволюционизм в методологии, взыскующие создания инновационной телеологической доктрины, где имплицативно-дискурсивные, причинно-следственные типологизации явлений расширяются включением ценностно-целевых автоморфных связей. Цель, как и ценность, задавая особый мотивный модус кристаллизации энергии,

концептуализируемый аппаратом «самоиндукции», «самоорганизации», буквально ломится в плотно закрытую дверь современных исследований (приятные исключения – расположенные на периферии изысканий модели ритмодинамики, энерго-информационных полей, опережающих потенциалов, несилевого взаимодействия и т. п.).

(2) Слияние двух форм объективного процесса (природы и целеполагающей деятельности) в единый синтетический процесс человеко-природного развития (антропо-социо-техно-натурный комплекс) взыскует оформления мегатеорий, представляющих симбиоз фундаментального знания с аксиологией и деонтологией. Познавательная экипировка данных только складывающихся единиц интеллекта – последовательный расчет свойств реальности через призму принципов ее конструирования (сценарии бытия как потребной целевоплотительной среды обитания с позиций перспектив выживания, обеспечения родового призвания).

(3) Логика прогресса обществознания диктует пересмотр тематизации малой социальности в терминах большой социальности: индивид – совокупность общественных ролей, отношений. Практикуемый эвристический редукционизм, фундаментализм никак и ничем не оправдан. Влекущие деперсонализацию индивида эпистемологические конвенансы в виде общесоциологических критериев повторяемости (история без человеческого лица) должны быть скомпенсированы императивами антропологичности: каузальность вовлечена в контекст казуальности. В фигурах действия человека требуется, наконец, усматривать пробивание не тенденций, а внутренних побуждений, получающих адекватное осмысление в символических терминах (аппарат понимающей социологии, глубинной психологии, герменевтики, культурной антропологии).

(4) Когнитивная сфера не покрывается ареалом «понятийности»: категориальная ипостась духовности пронизывается как «образностью», так и «откровением». Тезис о логической всеобщности как необходимой атрибуции «мира идей» есть плод крайне искусственных допущений классической когитальной философии (от Аристотеля до Гуссерля), вводящей нежизнеспособную презумпцию субъективной идентичности. Весьма проблематично добиться общности мысли (пикировки: формализм – конструктивизм; фиксизм – мобилизм; преформизм – эпигенез; коммунизм – социал-демократизм и т. д.); оппонентов в науке не переубеждают – по правилам естественного отбора они либо вымирают, либо воспроизводятся. Практически невозможно достичь общности вкуса: суждения и предпочтения партикулярны, как партикулярны питающие их онтогенетические инстанции (шлейфы «семьи», «школы», «эпохи»). Содержательный тонус науки поддерживается институциональными группами, понимание чего влечёт дополнение гносеологии социологией. «Каждое познание, – замечает Манхейм, – направлено... на определённый предмет и применяется прежде всего к нему. Однако характер подхода к предмету зависит от природы субъекта... ибо для того, чтобы

стать сознанием, видение должно быть формализовано и концептуализировано, а формализация и концептуализация зависят от состояния теоретико-понятийной системы отсчета. Какие понятия и уровни соотношения существуют... не в последней степени зависит от историко-социального положения ведущих (*de facto*), мыслящих представителей определённых групп» [9, с. 77]. Причастность группе, упраздняя «свободно (логически) текущую мысль», привносит момент эвристической (символической) ангажированности, с которой соотносятся концептуальные стандарты. Вследствие давления групп (не важно каких) Зворыкин, Сикорский не нашли себя в России, Уфимцев – в СССР. Кто выиграл от их эмиграции? Оставляя за рамками серьёзный вопрос, – почему в какой-то период саморазвития творческой личности становится тесно, душно (ср.: Пушкин) в отечестве, – требующий столь же серьёзного ответа (т. е. специальной проработки), в данном месте подчеркнём только несостоятельность классической гносеологической модели универсальности истины и способов к ней прихождения.

(5) Методологические регулятивы теоретической науки не обслуживают теорию символа. В эпистемологии – генерализация, объективация, детерминация. В символогии – инициация, целеориентация, самореализация. На основе первых возникают «факты», «предметы», на основе вторых – «события», «поступки».

Болтающаяся на верёвке самодельная чайка – не муляж (макет, чучело, фигура) птицы, а символ. Для агента действия – сверхцель, сверхценность жизни. Для внешнего заинтересованного наблюдателя (живописателя, хрониста, биографиста) – индикатор бесконечного трагизма прожитого единым устремительным порывом и не нашедшего творческого разрешения существования.

Человеческое несчастье Караваевой – в подчинении жизни несвязанным с жизнеобеспечением символическим ценностям. Такой казус, естественно, бессмысленно описывать средствами науки (психиатрии?). Тут правильно применять приёмы мотивной реконструкции, вскрывающей основания отягощения жизненных обстоятельств целевыми, ценностными значимостями.

Говоря об этом, нельзя не отметить плодотворность введенного Луманом понятия «контингенция» (сгусток предметно-смысловых связей), являющегося заместителем традиционной причинности и оттеняющего изложенное выше (2), – наука, включающая в свой фарватер целевоплотительные, инициативные отношения, не может не обогащать собственный экспликативный арсенал представлениями символостимуляции.

Символ – жизненная утопия. Применительно к человеку (используя оборот Т. Молнара) она проявляется как «вечная ересь». «Судьба любого человека, – утверждает Борхес, – как бы сложна и длинна она ни была, на деле заключается в одном единственном мгновении – в том

мгновении, когда человек раз и навсегда узнаёт, кто он» [2, с. 144].
(Здесь трудно не вспомнить Тютчева:

«Природа знать не знает о былом,
Ей чужды наши призрачные годы,
И перед ней мы смутно сознаём
Себя самих – лишь грёзою природы.
Поочередно всех своих детей,
Свершающих свой подвиг бесполезный,
Она равно приветствует своей
Всепоглощающей и миротворной бездной» [14].)

Узнавание самого себя производится человеком по осознанию способности производить символы. Имманентная сущность человека – символотворчество, исключаящее отрешение от него как от занятия еретического.

Философия сближается с наукой формально, способом дискурсивно-выразительной, логико-теориейной обработки осваиваемого материала, но удаляется от нее содержательно – идейно-тематическим контуром предметных рассмотрений, эвристической канвой интеллектуального космоса.

Фикс-пункт философствования – освоение сверхнаучных реалий. Мы пребываем в конечном мире, нам желательно знать, что происходит за его границами – объять мир в целом (выход за физически осмысленные рубежи Вселенной; в прошлой интеллектуалистике забота рациональной космологии). Мы пребываем в брэнной юдоли, где душа обречена взаимодействовать с телом, нам желательно знать, что происходит за ее пределами – объять сущее, определяемое суверенитетом души (выход за физиологически осмысленные рубежи телесного мира; в прошлой интеллектуалистике забота рациональной психологии). Мы пребываем в подлунном царстве, выполненные по «образу и подобию», нам желательно знать, что происходит за линией раздела земного-неземного, – объять бытие божественное (выход за Операциональные рубежи опытно данного мира; в прошлой интеллектуалистике забота рациональной теологии).

Если перекрывать традицию, не отмененную, а только усиленную кантианством, правильно указать на прорву примыкающих и сопутствующих указанным судьбоносных проблемных пластов, составляющих предмет забот рациональной антропологии – «Человек»; рациональной гносеологии – «Истина»; рациональной аксиологии – «Благо»; рациональной аретологии – «Добродетель»; рациональной праксиологии – «Польза»; рациональной амитологии – «Любовь» и т. д.

Есть много того, что исключает тематизацию ресурсом науки, но не утрачивает исключительной человеческой жизненной значимости. Сфера экзистенциального не покрывается сферой эссенциального. И в данном «непокрытии» – благодатная почва простору философствования.

Список литературы

1. Борн М. Физика в жизни моего поколения. М.: Издательство иностранной литературы, 1963. 536 с.
2. Борхес Л. Проза разных лет. М.: Радуга, 1989. 320 с.
3. Голдстейн М., Голдстейн И. Как мы познаем. М.: Знание, 1984. 256 с.
4. Джемс В. Многообразие религиозного опыта / пер. с англ. В.Г. Малахеевой-Мирович и М.В. Шик; под ред. С.В. Лурье. М.: «Русская мысль», 1910. 518 с.
5. Ильин В.В. Аксиология: учебное пособие / 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2020. 192 с.
6. Ильин В.В. Философия гуманитарного знания. *Studia Humaniora*. Гуманитаристика: учебник. М.: Проспект, 2019. 256 с.
7. Ильин В.В. Философия истории. М.: Издательство Московского университета, 2003. 380 с.
8. Ильин В.В. Философская антропология: учебное пособие / 2-е изд. М.: Книжный дом Университет, 2008. 231 с.
9. Манхейм К. Диагноз нашего времени / пер. с нем. и англ.; отв. ред. и сост. Я.М. Бергер и др. М.: Юрист, 1994. 700 с.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения // изд. 2. М.: Политиздат, 1962. Т. 22. 805 с.
11. Ньютон И. Оптика или Трактат об отражениях, преломлениях, изгибаниях и цветах света. Классика естествознания. Книга семнадцатая. М.; Л.: Госиздат, 1927. 326 с.
12. Слотердайк П. Критика цинического разума / пер. с нем. А.В. Перцева. Екатеринбург: Издательство Урал, 2001. 584 с.
13. Толстой Л.Н. Смерть Ивана Ильича. М.: Худ. лит-ра, 1964. 46 с.
14. Тютчев Ф.И. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М.: Правда, 1988. 478 с.
15. Фет А. Вечерние огни. М.: Наука, 1981. 816 с.
16. Цицерон Марк Туллий. Три трактата об ораторском искусстве / под ред. М.Л. Гаспарова. М.: Наука, 1972. 470 с.
17. Шиллер И.Х.Ф. Собр. соч.: в 8 т. / под общ. ред. Ф.П. Шиллера. М.; Л.: Гослитиздат, 1937. Т. 7. 690 с.
18. Юм Д. Исследования о человеческом разумении / пер. С.И. Церители. М.: Прогресс, 1995. 240 с.
19. Pierce Ch. *Chance, Love and Logic*. New York: Harcourt, Brace & Co., Inc., 1923. 720 p.
20. Rickert H. *Die Grenzen der Naturwissenschaftlichen Begriffsbildung*. Tübingen: J.C.B. Mohr, 1891–1902. 756 S.

**PHILOSOPHY AND SCIENCE:
THE PROBLEM OF INTERACTIVE CORRELATION**

V.V. Ilyin, O.P. Sapegina, Ya.V. Yalovenko

Kaluga Branch of the Bauman Moscow State Technical University (National Research University), Kaluga

Science and philosophy, belonging to different areas of cogitative culture, complement each other. Knowledge is object-centered; metaphysics is aimed at the ideal meanings, but equally serves the needs of man as a symbolic being, involved in the conditional circumstances, but striving to achieve the unconditional. The resources of science with its rigid rules are not suitable for overcoming the barriers of conventions. Metaphysics is able to support hope dealing with spiritual mastering of the world under the less rigid framework conditions.

Keywords: philosophy, science, culture, Lebenswelt.

Об авторах:

ИЛЬИН Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры «Общественные науки» Калужского филиала ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (Национальный исследовательский университет)», г. Калуга. SPIN-код: 9523-5338, e-mail: vvilin@yandex.ru

САПЕГИНА Ольга Петровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Общественные науки» Калужского филиала ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (Национальный исследовательский университет)», г. Калуга. SPIN-код: 7500-4001, e-mail: sapegina1@mail.ru

ЯЛОВЕНКО Яна Викторовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Общественные науки» Калужского филиала ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (Национальный исследовательский университет)», г. Калуга. SPIN-код: 6024-7808, e-mail: yana2307@rambler.ru

Authors information:

ILYIN Viktor Vasilyevich – PhD (Philosophy), Professor of the Department of Social Sciences of the Kaluga Branch of the Bauman Moscow State Technical University (National Research University), Kaluga. E-mail: vvilin@yandex.ru

SAPEGINA Olga Petrovna – PhD (Economic Sciences), Associate Professor of the Department of Social Sciences of the Kaluga Branch of the Bauman Moscow State Technical University (National Research University), Kaluga. E-mail: sapegina1@mail.ru

YALOVENKO Yana Viktorovna – PhD (Economic Sciences), Associate Professor of the Department of Social Sciences of the Kaluga Branch of the Bauman Moscow State Technical University (National Research University), Kaluga. E-mail: yana2307@rambler.ru